

3. Критериальным показателем диалекта служит асимметрия в формулах количественного сопоставления; при определении фольклорного диалекта существенную роль играют последовательность самых частотных слов и их ранговое место в частотных словарях. Например, ср. дифференцированное употребление лексем в диалекте и в фольклоре: **Казáк** ‘наемный рабочий, батрак в крестьянском хозяйстве’ Север [СРНГ 12: 307]. **Казáк** — постоянный эпитет богатыря в былинах.

ЛИТЕРАТУРА

- Богословская О. И. Диалектные элементы в языке сказителей Рябининых // Ученые записки Перм. гос. ун-та. Т. XVI, вып. I. С. 55–65.
- Богословская О. И. Язык фольклора и диалект. Пермь, 1985.
- Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.—Л., 1963.
- Оссовецкий И. О. О языке русского традиционного фольклора // ВЯ, 1975, № 5.
- Праведников С. П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора. Дисс. на соиск. уч. ст. док. филолог. наук. Курск, 2011.
- Смирнов Н. О морском зверином промысле на русских судах. СПб., 1901.
- Сороколетов Ф. П. Произведения фольклора и диалектная лексика // Диалектная лексика. 1973. Л., 1974. С. 193–204.
- Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
- Хроленко А. Т. Наддиалектен ли язык русского фольклора? // Фольклор в современном мире. М. 1991. С. 55–67.

Я. В. Мызникова (Санкт-Петербург)

«Это не хвала — истинная правда»: адресант и адресат в диалектном дискурсе

Теория речевых актов уделяет много внимания говорящему, определяющему цель и конкретные особенности речевого акта. Однако в речевом акте имеется и второй, не менее важный участник —

адресат — со своими языковыми, социальными и психологическими особенностями. По словам Н. Д. Арутюновой, «всякий речевой акт рассчитан на определённую модель адресата. Удовлетворение пресуппозиции адресата составляет одно из важных условий его эффективности»¹.

Данное положение особенно актуально для ситуации диалектной коммуникации с участием собирателя и информанта, представляющих различные социумы с разной культурной пресуппозицией. Общие для коммуникантов пресуппозиции определяются чаще всего в категориях энциклопедического знания о мире. Выражением такого знания являются представления о родовидовых и структурных особенностях предметного мира. Однако для деревенского мироустройства с его практической направленностью более актуальными являются не таксономические представления, а причинно-следственные, временные и пространственные связи.

Собиратель: — *Как-то назывались по-разному открытое крыльцо и закрытое?*

Информант: — *Ну конешна, если дождик идёт, он сухой!*

Ещё одной важной задачей того, кто намерен предложить собеседнику акт общения, является создание условий для корректной референции. Результатом «подмены» референта может стать коммуникативная неудача. Диалектоноситель любой вопрос собирателя пытается соотнести в первую очередь с конкретным референтом из непосредственно окружающего его предметного мира.

Собиратель: — *А телёнка до года как-нибудь особнным словом называли?*

Информант: — *Называли. Как отелица, сразу называши, фсякие имена есь.*

Однако не только общая пресуппозиция и корректная референция обеспечивают результативность коммуникации. Иллокутивная составляющая диалектного речевого акта обладает высокой степенью конвенциональности, обусловлена правилами и традициями

¹ Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 358.

речевого поведения, принятыми в сельском социуме. В сообществах коллективистского типа на речевое поведение могут быть наложены такие ограничения, как настороженное отношение к «чужим», стремление «не выносить сор из избы», нежелание говорить о том, что потенциально может «навредить» членам социума: *У нас молодёжь все хорошые. У нас ничо такова ни делацца, плохо. Чужых у нас никово нет.* Данная реплика диалектоносителя является ответом на вопрос о наличии прозвищ у жителей села. Высказывание представляет собой манифестацию принципов речевого поведения по отношению к «чужому» для данного социума индивиду.

В попытках собирателя преодолеть барьер оппозиции «свой — чужой» необходимо учитывать и такой фактор, как психотип адресата. Женщина-информант интровертного типа в разговоре эксплицитно выражает принцип своего речевого поведения: *Вот он [о муже] розговариват, розказыват фсё, а я не люблю он розказыват, да ну ни к чому.* Весьма показательным является её высказывание о муже с противоположным, экстравертным психотипом: *Господи, простодырый какой! Ну фсё покажът, фсё розкажът. Ты чо делаиш? Ой глупый чьовек! Фсе шобаны пьказал?* Информант-интроверт явно осуждает положительную реакцию супруга-экстраверта на просьбу рассказать о своём хозяйстве: *Ладна хвалицца-та, бултушка! Я не люблю он хва́лица.*

В то же время для информанта-экстраверта аксиологически важно транслировать культурно значимую для него информацию представителям иной социальной группы: *Она называет эта хвала, да нет, эта не хвала. Истинная правда! Без ноги осталса я в двёнацат' лет.* В автобиографическом рассказе данного информанта ключевым событием, к которому он возвращается несколько раз, становится серьёзная травма, угрожавшая его статусу полноценного члена социума, способного работать и обеспечивать себя и свою семью. Это событие стало определяющим в жизни информанта, заставило заняться ремёслами, научиться зарабатывать на жизнь. В конце рассказа информант использует его как обобщающую метафору: *И вот я как ногу изломал, так изломали совецкую влас'т', изворóтили фсею.* На критику интровертной супруги рас-

сказчик отвечает манифестацией принципов своего речевого поведения, ориентированного на трансляцию значимой в культурном и социальном отношении информации: *Я им правду сказал. Ну чо ты, ты ш голодна сидела? Вот сорак седьмой гот очень тяжолый был. На роботу с песнями, с роботы с песнями. Даром голодны, а душа веселилась!*

Итак, планируя и реализуя речевой акт, адресант должен учитывать характеристики адресата, в том числе важна исповедуемая им система ценностей, поскольку даже логически безупречный аргумент обречен на неудачу, если он исходит из чуждых адресату принципов.

Г. Д. Неганова (Кострома)

Ландшафтная лексика в говорах костромской низины: номинация равнинных мест

Костромская область расположена на северо-востоке центральной части Русской равнины — самой большой в восточном полушарии. Западную часть территории региона, протянувшись от Волги по побережью реки Костромы и охватывая современные Костромской, частично Буйский и Сусанинский административные районы, почти полностью занимает Костромская низина. В историко-культурном отношении это знаковая территория: там находятся знаменитые Ипатьевский и Иаково-Железноборовский монастыри — с первым связаны имена царей Бориса Годунова и Михаила Романова, со вторым — Григория Отрепьева (Лжедмитрия I). На затопленном водохранилищем в середине XX века землях расположена «Костромская Атлантида» — местность, в XII–XIII вв. освоенная выходцами из Новгородской, затем Владимиро-Суздальских земель. Это край, где подолгу бывал поэт Н. А. Некрасов и где жили герои его самых известных произведений.

Этнодиалектная зона Костромской низины географически соотносится с бассейном реки Костромы, а лингвистически выделя-